

УДК 070(571.1/.5)(091)
ББК 76.02(253)

ТАЙНА «ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»: К ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ПОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (1857–1917 гг.)

© Ю. Л. Мандрика, 2012

Частный издатель
625003, г. Тюмень, ул. Республики, 10/2

Освещены неизвестные вопросы истории «Губернских ведомостей» – первых периодических изданий, появившихся в российской провинции, в частности в Сибири, с 1857 г. Изучены особенности издания, способы финансирования, правовые аспекты (правила выпуска), цензура «Ведомостей». Выдвинута гипотеза, что отдельные оттиски (брошюры) статей из неофициальной части положили начало регулярному сибирскому книгоизданию.

Ключевые слова: «Губернские ведомости», Сибирь, типографии, журналистика, финансирование печати, цензура, отдельные оттиски статей.

The article illuminates unknown aspects of the history of «Gubernskiye vedomosti» (“Provincial Gazette”) – the first periodical editions, appeared in Russian provinces, particularly in Siberia, since 1857. The features of this edition, ways of funding, legal aspects (rules of issue), censorship of “Vedomosti” were studied. The author proposes a hypothesis that separate reprints (brochures) of articles from the edition’s unofficial part put the beginning of the Siberian regular book publishing.

Key words: «Provincial Gazette», Siberia, press-house, journalism, press financing, censorship, reprints of articles.

В 1901 г. была создана правительственная комиссия по реформированию «Губернских ведомостей» (ГВ). В ней приняли участие 16 приглашенных из провинции редакторов неофициальной части. Прежде чем разработать мероприятия, предстояло ответить на вопрос: какова причина неудачи столь масштабного проекта – сетевого¹ казенного издания, являвшегося продолжением сенатского?

Утвержденное положение об издании ГВ от 27 октября 1830 г. определяло его цель: «облегчить канцелярии в производстве дел сокращением переписки» [1, № 4036], а также решить вопрос быстрой доставки присутственным местам распоряжений, подлежащих исполнению. Но явная декларативность законодательного акта нет-нет да и подтверждалась практикой. Посмотрим это на примере Сибири.

В письме Иркутскому губернскому совету за подписью гражданского губернатора В. И. Зарина, зарегистрированном 4 мая 1849 г., рассказывалось о неоднократных попытках местной власти получить у министерства внутренних дел разрешение на издание ГВ. Огромное число вакансий канце-

лярских чиновников в Восточной Сибири вынудило впервые поставить вопрос об издании ведомостей еще в 1828 г., когда министр внутренних дел граф А. А. Закревский даже не начинал предпринимать меры для облегчения и упрощения делопроизводства. Быстроразвивающаяся в частных руках золотодобыча стимулировала торговлю, развитие промышленности. При этом местное начальство должно было обеспечить на обширных территориях Иркутской губернии правопорядок посредством различных мероприятий, о которых надо было информировать жителей... Но и через 5 лет после первого обращения в Министерство внутренних дел (МВД) иркутянам не удалось получить министерское «добро» на издание ведомостей.

В Восточной Сибири основательно подготовились к еженедельному выпуску ГВ: «Из поселенческого капитала куплено в Москве и доставлено сюда 2 станка, 5 пудов литер с украшениями и проч., 5 рам, 1 центнер гамбургской черной краски, 1 медный герб Иркутской губернии, 1 станок для печатания медными досками, 4 герба Российской империи, 20 штук разных мелких вещей, как-то: полтипажей, номеров и проч. и 200 стоп бумаги»². Но, увы, и это письмо, и отправленное 20 февраля 1850 г. за подписью уже генерал-

¹ Хотя в то время и не существовало такого понятия, воспользуемся им для лучшего понимания сущности издательского явления.

² ГАИрО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1659: ед. хр. 123. Л. 116.

губернатора Н. Н. Муравьева не сумело сдвинуть с мертвой точки вопрос об издании ведомостей.

Почти аналогично развивалась ситуация и в Томской губернии³. И лишь в 1851 г. во время ревизии Западной Сибири комиссией члена Государственного совета генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова по инициативе самого сенатора был поднят вопрос о казенной местной прессе. На сопроводительном письме к списку с журнала Главного управления Западной Сибири о введении ГВ при Тобольском и Томском губернских правлениях от 14 февраля 1852 г. в адрес министра внутренних дел Л. А. Перовского вместо резолюции оставлена надпись: «А удобно ли... для одной Западной Сибири?»⁴. Так росчерком карандаша был введен и в Сибири «Порядок производства в губернских правлениях», утвержденный Николаем I еще в июне 1837 г., параграф 85 которого гласил, что при каждом губернском правлении «издаются» особые» ГВ [1, № 10304]. На Сибирский край действие указанного документа не распространялось.

Ведомости, начавшие издаваться в сибирских губерниях с 1857 г., очень быстро попали в поле зрения цензурного ведомства. «Тобольские ГВ» позволили себе высказаться о «чиновниках и канцеляриях присутственных мест в выражениях, решительно неуместных в официальном губернском органе» [2, с. 295]. А «Енисейские ГВ» допустили на страницы неофициальной части «полемику между частными лицами по делам золотопромышленности, обращая тем губернские ведомости в орган для частных целей» [2, с. 295].

«Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.», появившееся под грифом «секретно» по личному распоряжению министра внутренних дел, артикулировало точку зрения власти на литературу как на вид общественной деятельности, которая «имела свое собственное призвание, свой собственный идеал, свои естественные цели» [2]. Отказываясь от своих принципов, словесность, по мнению цензурного ведомства, теряет «самостоятельное значение и нисходит на степень рабского служения» [2, с. 1].

Несмотря на пафос, которым открывалось «Собрание материалов», его составители поддерживали точку зрения «Московских ведомостей», утверждавших, что провинциальные издания, состоящие из официальных⁵ и неофициальной частей,

скорее полуофициальные, так как в них «частные мнения издаются на казенные деньги» [2, с. 212]. Цензурное ведомство в своих внутренних документах часто отмечало, что ГВ «не всегда следовали узаконенной для них программе: некоторые уклонялись от нее иногда, а другие постоянно» [2, с. 294], стремясь сделать неофициальную часть «по содержанию и способу изложения статей» [2, с. 296] похожей на столичные частные издания.

Некоторые газетные столы, воспользовавшись параграфом 95 «Порядка производства в губернских правлениях» от 3 июня 1837 г. о раздельной подписке на каждую из частей ГВ, стали издавать официальные и неофициальные части в разные дни недели⁶. Дабы пример не стал заразительным для других губерний, была срочно предпринята контрмера. Приложением к циркуляру № 41 от 8 апреля 1865 г. «Об улучшении издания ведомостей и усилении средств губернских типографий» департамент полиции исполнительной разослал в адрес всех губернаторов «Некоторые правила относительно издания губернских ведомостей и ведения типографского дела в губернских типографиях». Вышеназванный циркуляр радикально подошел к форме издания во всей империи: «Для большего единообразия и сбережения излишних издержек на бумагу, набор, верстание и проч. неофициальная часть губернских ведомостей печатается вслед за официальной, нераздельно, на бумаге формата in folio»⁷.

С июля 1865 г. бюллетени, каковыми являлись официальные части, были объединены с частью неофициальной, стремившейся преодолеть барьер на пути к газете. Губернские ведомости, потерявшие от этого видоизменения представление о своем месте в российской периодике, в основной массе перестали понимать свою сущность, а вместе с ней исчезла и стратегия развития провинциальной казенной прессы.

Именно в этот период критика контента неофициальной части ГВ приняла такие масштабы в га-

и местный. Первый полностью был официальным, а второй состоял из официальной и неофициальной частей. Учитывая, что некоторые ГВ к тому времени уже пытались сделать из неофициальной части самостоятельную газету, издавая бюллетени отдельно, на практике осталось привычным существующее с 1837 до 1845 г. деление на официальную и неофициальную части. Хотя на самом деле официальных частей было две: одна из общего отдела, другая – из местного. С точки зрения автора данной публикации, деление на официальные и неофициальные части точнее отражает нюансы законодательной структуры ГВ, не нарушая при этом сложившейся в научной парадигме практики.

⁶ См. подробнее: Мандрика Ю. Л. Губернские ведомости в научной парадигме // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 3. – С. 168–176.

⁷ ГАТомО. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 1108. Л. 2–3 об.

³ См. подробнее: Мандрика Ю. Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. – Тюмень, 2007. – С. 27–29.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 13: 1852. Д. 400. Л. 1.

⁵ В 1845 г. после вступления в силу законодательного акта «Учреждения губернского правления» структура ГВ изменилась. Издание было разделено на два отдела: общий

зетно-журнальной периодике, что Главное управление по делам печати вынуждено было разослать письмом от 28 ноября 1870 г. разъяснение о программе издания, выходить за пределы которого запрещено законодательными актами. «От них нельзя требовать более того, что предписано законом» [3, с. 212–215], – утверждал вслед вышеназванному документу циркуляр от 23 ноября 1870 г. При этом подчеркивалось, что неофициальная часть является добавлением желательным, но не необходимым.

В июле 1878 г. в МВД обратился старший неприменный заседатель Витебского уездного полицейского управления А. И. Иверсен. Ссылаясь на опыт своей долголетней службы на мелких провинциальных должностях, он предложил заменить губернские и областные ведомости «более целесообразным и современным официальным провинциальным органом»⁸.

Свое предложение А. И. Иверсен обосновывал так: «Всем известно, что губернские ведомости везде составляют самое незанимательное, непопулярное и скучное периодическое издание. Поэтому публика не выписывает и не читает этих газет, и не имей они по несколько сот строго обязательных подписчиков, то они бы едва ли где-либо просуществовали и одно даже полугодие. А насколько ведомости приносят пользы обязательным подписчикам, видно из того обстоятельства, что вслед за выпуском нового номера он обращается получателями в ненасытный жернов всех возможных общечеловеческих и технических употреблений. Ключки губернских ведомостей встречаются везде, где только бывают нужны обертки, обклейки и обшивки. Ведомости эти не сберегаются в архивах; их видишь разрозненными и разбросанными по шкафам, этажеркам и окнам канцелярий на произвол всякой случайности, да и ревизирующие не требуют наличности и сохранности»⁹.

«Издание, предназначенное для пользы службы и для того, чтобы быть указателем закона... получило окраску дешевых газет», – делал заключение А. И. Иверсен. Одновременно коллежский асессор из Витебска считал необходимым упразднить губернские типографии и открыть при губернских канцеляриях книжные склады для официального распространения в народе через волостные управления книг популярного, общедоступного и поучительного содержания.

Согласно заключению совета Главного управления по делам печати о стремлении изданий расширять неофициальную часть ГВ в ущерб официальным, министр внутренних дел приказал учредить особую комиссию для пересмотра узаконений

о казенной провинциальной прессе. Однако результаты ее работы в архивном деле по неизвестной пока причине отсутствуют.

Сотрудники сибирских ГВ попытались самоидентифицироваться лишь в начале XX в. Один из них, называя главной чертой журналистики «злободневность», вывел следующую формулу периодического издания: «Газета определяется как выходящее в правильные сроки, общедоступное, благодаря массовому выпуску экземпляров, издание, имеющее коллективное разнообразное содержание, притом общественноинтересное и почерпнутое из событий и явлений ближайшего к читателю времени» [4]. Для многих это не было новостью: уже в 1890-е гг. в самых изученных сибирских ГВ («Иркутских ГВ» и «Томских ГВ») неофициальную их часть, превратившуюся давно в листок объявлений, подписывал не редактор, а делопроизводитель или его помощник. Так было и в «Енисейских ведомостях».

Неофициальная часть сибирских ГВ начала приходить в упадок практически сразу после формального объединения структуры издания в 1865 г. (объединение законодательно неравноценных частей). Пик подъема наблюдался лишь однажды – в «Томских ГВ» в 1880-е гг., когда неофициальную часть возглавлял Е. В. Корш. 25 лет хватило, чтобы все четыре наименования стали одинаково невыразительными. В последнем десятилетии XIX в. исправить создавшееся положение попытались вначале в Тобольске, а на рубеже веков – в Красноярске и Чите. Но частная печать во всем сибирском регионе активно отвоевывала себе читателя.

По завершении правительственной комиссией реформы ГВ редактор неофициальной части «Забайкальских областных ведомостей» Н. Д. Карамышев писал, что у неудачи ГВ причин две. Во-первых, издание не смогло уже на старте «...получить того строгого определенного направления, которому должен был следовать правительственный орган» [5]. Этой публикацией автор ставил под сомнение однозначность намерений кураторов проекта ведомостей. Во-вторых, считал Н. Д. Карамышев, нельзя было неофициальную часть приравнять к частному изданию, предусмотрев назначение редакторами лиц, не имеющих никакого отношения к госслужбе.

Таким образом закон не только защитил чиновников от судебных процессов за преступления в печати, но и позволил экономить бюджет издания. Те, кто стоял у истоков ведомостей, не подумали о том, что за самую низкую заработную плату вакантное место редактора неофициальной части может достаться лишь лицам, по словам того же Н. Д. Карамышева, «не только не популярным среди общества, но просто безличным и безголовым». А ведь можно было дело организовать и так,

⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 65. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 5–5 об.

что в издание пришли бы люди с высшим образованием, а может даже и крупные литературные силы.

Правительственному органу не приходилось заботиться о подписке, которая обеспечивалась учреждениями губернии. Это влияло на содержание издания так же сильно, как и частая смена редакторов, но не отражалось на финансировании, которое, по мнению большинства современных исследователей, было просто убогим. Однако Н. Д. Карамышев уверенно утверждал, что ГВ везде «дают огромную прибыль, которая вся уходит на денежные подачки чиновникам, даже становым, не имеющим никакого отношения к ведомостям» [5]. Учитывая, что финансирование ведомостей происходило через типографию губернского правления, разобратся в этом споре достаточно непросто.

Обратимся к статистическим данным того времени. В 1860 г. Тобольская губернская типография, средства которой были связаны с ГВ, имевшими около 200 экз.¹⁰ тиража, получила прибыли почти 3 тыс. руб. Из них направлено 175 руб. в комиссию для разборки архивных дел, 500 – в статистический комитет, 289 – канцеляристам общего губернского управления. При этом редактор неофициальной части получил за год 300 руб. заработной платы (официальных – 391 руб. 93 коп.). За 1863–1865 гг. по графе «усиление средств канцелярии губернского правления» из средств, заработанных типографией, было уплачено 1977 руб. 3 коп., на награды и пособия чиновникам губернского правления ушло 1056 руб. 75 коп.¹¹ При все той же заработной плате редактора неофициальной части 300 руб. в год.

Но не надо забывать, что и типография, и ГВ, согласно законодательства, считались имуществом МВД. В циркуляре № 8 от 29 января 1880 г. за подписью министра внутренних дел Л. Макова сообщалось в адрес губернаторов, что ежегодно из государственного казначейства отпускается для усиления средств губернских правлений империи по 135 тыс. руб., которые расходуются на типографские нужды до последней копейки. При этом, согласно сметным предположениям, в 1878 г. из доходов типографий должно было возвратиться в кассы МВД свыше 305 тыс. руб. Сметные предположения оправдались лишь на 20%. Министр настаивал на срочном принятии мер по увеличению доходов губернских типографий¹².

На сегодняшний день не исследованы доходы, которые ведомости получали от размещения на своих страницах объявлений. Так, в 90-е гг. XIX в. «Тобольские ГВ» для поиска рекламы пользовались услугами торгового дома «Л. и Э. Метцль и К°», знаменитого своими условиями. Заклучая договор на рекламу, торговый дом брал обязательство поставлять ее в каждый номер на определенную сумму. Если этого не случалось, он разницу компенсировал редакции. Но при этом запрещал изданию работать напрямую с рекламодателем [6].

Возможность губернского правления использовать по своему усмотрению заработанные типографией на выполнении заказов деньги позволила бы при отсутствии ГВ лишь увеличивать суммы, направляемые на поощрение чиновников. В чем смысл содержать местное издание, никчемность которого признавали во все времена его существования даже высокие инстанции? В пользу версии, что финансовая составляющая была не главной в законодательной поддержке провинциальной казенной печати, говорит весьма длительный период агрессивной политики отдельного оттиска, проводимой сибирскими губернскими правлениями.

В 1891 г. енисейский губернатор Л. К. Теляковский, прибывший год назад из Пскова, где в течение четверти века был вице-губернатором и согласно своему статусу отвечал за официальные части ГВ, обратился к Правителю дел Главного управления по делам печати (ГУДП) В. С. Адикаевскому с вопросом, касающимся именно местной казенной печати. Он рассказал о негласной существующей практике работы с авторами ведомостей: им вместо денежного вознаграждения выдавали небольшое количество отдельных оттисков, появлявшихся в свет без рассмотрения общей цензурой, что было несомненным нарушением законодательства. Губернатор, уповая на то, что оплачивать статьи авторам не по средствам губернским типографиям, просил ГУДП «в виде гонорара посылать им 50 оттисков с их статей, имеющих важное значение»¹³.

После этой просьбы Л. К. Теляковский просит разъяснить то, что не смог понять из циркуляров ГУДП: в них «указывается на то, что выпуск в свет оттисков со статей, печатанных в неоф. ч. ГВ, может последовать с разрешения цензуры, я нахожусь в затруднении, что понимать под словом “выпуск в свет”: выпуск ли оттисков в неограниченном количестве для продажи, или же вообще запрещается выпуск в каком бы то ни было количестве для обращения их в кругу знакомых автора, и, наконец, от какой именно цензуры – местной¹⁴ или общей должно последовать разрешение вы-

¹⁰ В 1860 г. подписной платы за ГВ поступило 725 руб. 65 коп. (по 4 руб. за годовой комплект без доставки). – См.: ТобГВ. – 1861. – № 33. – С. 251. – В другие времена тиражи были несколько больше. В 1866 г. подписная сумма составила 2265 руб. – См. ГА ИсаОмскО. Ф. 3. Оп. 6. Ед. хр. 8753. Л. 1.

¹¹ ГА ИсаОмскО. Ф. 3. Оп. 6. Ед. хр. 8753. Л. 12 об.

¹² ГАТомО. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 1916. Л. 3.

¹³ РГИА. Ф. 776. Оп. 5 : 1871. Д. 45. Л. 19.

¹⁴ Под «местной» автор письма понимает административную цензуру.

пусков в свет оттисков? Последнее сомнение является у меня потому, что статьи, помещенные в губернских ведомостях, уже были процenzурованы¹⁵ губернатором, следовательно, казалось бы, что в новой цензуре едва ли может предостоять надобность; при этом считаю нелишним присовокупить, что по отдаленности Красноярска от Петербурга выдача авторам оттисков с их статей крайне замедлится, да для них эти статьи и потеряют интерес минуты»¹⁶.

Прошло чуть больше месяца, и енисейскому губернатору ушло письмо за подписью начальника ГУДП Е. М. Феоктистова: «Ограниченное количество оттисков статей из губернских ведомостей для авторов может быть печатаемо с Вашего разрешения»¹⁶.

С этого ответа Л. К. Теляковскому, имевшему крайне негативную репутацию у местных газетчиков, и началось массовое книгоиздание в Сибири. Если в 1890 г. увидело свет лишь 4 оттиска¹⁷ из неофициальной части «Тобольских ГВ», то в 1891 г. их значилось уже 11, в 1894 и 1895 гг. – по 20 наименований [7, с. 268–301]. Было ли это лишь платой за опубликованные статьи? Ответить сложно.

Затраты на печать брошюр из типографских денег, конечно, были. Но не надо забывать, что начав издавать неофициальную часть как газету, председатель Тобольского губернского правления К. П. Фредерикс заставил типографию губернского правления взять кредит в 10 тыс. руб., которые пришлось возвращать в течение 5 лет. Об этом писала редактор «Сибирского листка» М. Н. Костюрина этнографу Д. А. Клеменцу¹⁸. «Несмотря на регулярное появление в свет отдельных оттисков авторам оплачивались еще и статьи по 5 коп. за строчку¹⁹», – сообщал Г. Н. Потанину В. Ф. Костюрин. Такие траты на неофициальную часть, кото-

рая, согласно циркулярам ГУДП, была всего лишь желательным добавлением и отнюдь не способствовала документообороту, явно имели какие-то иные цели. Но какие?

Год создания ГВ в Сибири относился ко времени расцвета гласности, благодаря которой в «Иркутских ГВ» на первых порах господствовало обличительное настроение, вызвавшее негативную реакцию Сибирского комитета²⁰. Но этот период жизни казенного издания сыграл роль инкубатора для первых сотрудников первой частной газеты Сибири «Амур» [8, с. 127].

Можно, конечно, предполагать, что при Николае I, в рамках цензурного режима всеобщей подозрительности, ГВ были тем маячком, на который собирались неравнодушные к происходящему вокруг граждане. «Я долго сидел, как говорится, сложа руки и дождался, что авось кто-нибудь примет на себя роль местного корреспондента нашего города и будет время от времени рассказывать другим через губ. вед. о том, что делается в Тюмени, как там живут и пр. и пр. Ожидание мое было напрасно» [9, с. 403], – писал Н. Чукмалдин в неофициальной части. Возможно, что с этой поры над будущим московским купцом и был установлен негласный надзор?²¹

Организация активных граждан в различные общества (грамотности, географическое, помощи бедным, статистические бюро) приводила к неутешительному результату: большинство из их участников в атмосфере всеобщей подозрительности автоматически попадало под надзор департамента полиции (ДП). В его фондах таких дел сохранилось множество. Вопрос: были ли для этого основания в Сибири, где уголовная ссылка всегда преобладала?

В начале 1882 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления сообщал в ДП о политической ситуации в регионе: «Интеллигентный класс, состоящий здесь из так называемых богачей, крайне равнодушно относится ко всем политическим явлениям; главная забота этого класса – выгодное помещение своих капиталов или прибыльное предприятие. Другой класс образованного общества и самый преобладающий составляет служащий элемент, в который входят как гражданские, так и военные чины. Этот класс также

¹⁵ Слова «цензирование», «цензувание» и «цензурирование» в одинаковой мере встречаются в документах того времени как слова-синонимы.

¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 5 : 1871. Д. 45. Л. 21.

¹⁷ Назвать оттиском такую типографскую продукцию очень сложно. Для оттиска обязательно должен использоваться шпек, то есть имеющаяся часть набора в том же формате, в том же шрифтовом оформлении, с той же пагинацией. Статьи из неофициальной части издавались в виде брошюр, имеющих не только другую ширину наборной полосы, но и правильный порядок страниц. То есть для обхода цензурного законодательства с молчаливого согласия МВД вполне хватало подмены понятий. Брошюра, идентифицированная как оттиск уже больше не нуждалась в цензурном контроле.

¹⁸ См. письмо от 21 ноября 1905 г. – АСПБ. ФИВ РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 165; опубликовано: Лук & Чок. – 2009. – Вып. 3. – С. 117.

¹⁹ Письмо хранится в Красноярском краевом краеведческом музее. Опубликовано Т. С. Комаровой в: Тобольский хронограф. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 3. – С. 295. Небольшое пояснение: сибирские частные газеты того времени чаще всего платили своим авторам по 2 коп. за строку.

²⁰ Председатель Сибирского комитета в письме министру народного образования от 25 марта 1860 г. сообщал, что при рассмотрении содержания «Иркутских ведомостей» оказалось: «там иногда помещаются такие статьи, печатание коих вообще запрещено циркулярами Министерства народного просвещения и Главного управления цензуры». – ГУ ИсаОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18383. Л. 3–3 об.

²¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 3: 1883. Д. 329. На л. 21 значится: «Чукмалдин во время своей молодости состоял под негласным надзором полиции».

далек от всего политического, думает только о том, как бы свести концы с концами от получаемого скудного содержания. Вообще, где ни бываешь, наталкиваешься на служащих, жалующихся на дороговизну, особенно существующую в округах или уездах. Если в настоящее время в г. Иркутске предметы первой необходимости дешевле против прежних лет и цены на эти предметы сравнимы с ценами, существующими в уездах, зато остальные все товары, так называемые привозные, составляющие в классе служащих продукт также необходимый, продаются вдвое, а в уезде и того больше против России. <...> дороговизна жизни заставляет служащих искать средства легкой наживы, не думая о последствиях. Отсюда – сильное развитие хищнических инстинктов; они не столько продукт нравственной распущенности, сколько явление, зависящее от экономических причин... Поведение прочих слоев общества, как-то купечества, духовенства и расположенных в губернии войск, в политическом отношении, совершенно благонадежно. В положении крестьян, инородцев и ссыльных никакой перемены не произошло и случаев политических волнений не замечалось»²².

То, что ГВ свидетельствовали об идеологической модернизации России, были частью проекта воспитания гражданина, готового стать публичным политиком, замышлялись и как школа массового просвещения – не подлежит никакому сомнению. Плюсы ограничения тематики ведомостей законодательными рамками подметил еще Н. Сунцов: «Статьям полемическим и беллетристическим доступ в губернские ведомости был строго воспрещен. Нельзя не признать разумности этого запрещения. И в столичных журналах 30-х годов полемика стояла на низкой ступени личных нападок, клеветы и брани. Тем менее могла обстоять благополучно и прилично провинциальная полемика. Несомненно, она выродилась бы в сплетничество» [10, с. 1].

Уход сотрудников «Иркутских ГВ» в частную газету происходил еще под патронажем государства. Один из соиздателей «Амура», С. С. Попов, точно являлся сотрудником охраны [11, с. 232]. До капитализации провинциальной прессы было еще очень далеко. Низкое качество неофициальной части ГВ, которую уже в самом начале (см. выше) планировалось заменить на частную, провоцировало создание в Сибири конкурентоспособной прессы, чьи сотрудники в большинстве своем были ссыльными, зачастую уголовными. Их мышление нуждалось в воспитании через редакционный коллектив, цензуру. Сегодня появилось много фактов, ставящих под сомнение самостоятельность (без государственного патронажа) и иркутской «Сибири», и томской «Сибирской газеты»...

Осталось пока только тайной, зачем все эти годы издавались официальные части? Первый историк сибирской печати Б. А. Милютин в свое время писал: «“Иркутские губернские ведомости” 1874 и 1875 гг. далеко не те, чем были в 1872 и 1873 гг. Они представляют, конечно, богатый материал, чтобы проследить назначения, розыски лиц и имуществ, несостоятельности, но и только; затем, если хроникеру, при ознакомлении читателя с летописью административной деятельности, пришлось бы иметь дело исключительно с губернскими ведомостями, то результат вышел бы весьма печальный. Пришлось бы заключить, что генерал-губернатор [Восточной]²³ Сибири ознаменовал свою восьмимесячную в крае деятельность одним лишь весьма сочувственным циркуляром, относительно женского образования» [12, с. 61]. Такая черта была присуща официальным частям всех сибирских губернских и областных ведомостей.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. 2 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. СПб., 1830–1885.
2. Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг. – СПб., 1865.
3. Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. – СПб., 1878.
4. А.М.Л. Повременная печать и ее изучение // Том. губерн. ведомости. – 1910. – 28 апр. (№ 30). – Неофиц. часть.
5. Карамышев Н. Д. Губернские ведомости // Забайкал. обл. ведомости. – 1902. – 3 дек. (№ 132) ; 5 дек. (№ 133) ; 10 дек. (№ 135).
6. Чередниченко С. Пионер рекламы // Былое. – 1996. – № 1/2. – С. 7.
7. Коновалова Е. Н. Книга Тобольской губернии. 1790–1917 : свод. кат. местных изд. – Новосибирск, 2006. – 258 с.
8. Дулов А. В. Петрашевцы в Сибири. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 299 с.
9. Чукмалдин Н. М. Из Тюмени // Тобол. губерн. ведомости. – 1864. – № 47. – Неофиц. часть.
10. Сумцов Н. Губернские ведомости как пособие при изучении русской истории и этнографии. – Киев, 1888. – 8 с.
11. Шиловский М. В. Судьбы, связанные с Сибирью : биограф. очерки. – Новосибирск : Сова, 2007. – 372 с.
12. Милютин Б. А. Значение истекающего 1875 года для Сибири и сопредельных ей стран // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. – СПб., 1875. – Т. 1. – С. 1–149 (9-я паг.)

Материал поступил в редакцию 10.02.2012 г.

Сведения об авторе: Мандрика Юрий Лукич – кандидат филологических наук, тел.: 8-922-48-369-48, e-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

²² ГАРФ. Ф. 102: 3 д-во. 1882. Д. 706. Л. 18–20.

²³ В прижизненном издании напечатано ошибочно «Западной».